

Всю информацию о той съемке удалось добыть, и теперь, естественно, очередь дошла до Цзи Хаочуаня.

Чжун И, скрестив руки на груди, обратился к пареньку на ступеньках:

— Слышал, ты считаешь, что предыдущие съемки были неудачными и хочешь переснять?

Как только Чжун И заговорил, на площадке мгновенно воцарилась тишина.

— [Вот он, вот он, он пришел, поле битвы снова начинается!]

— [Неужели наконец-то начнется драка? Я уже бегу!]

— [Черт, почему я так возбуждился?]

— [Учитель Чжун, раздай ему!]

Если Лян Сыли входил в раж от одного голоса Цзи Хаочуаня, то Цзи Хаочуань, в свою очередь, терял голову от голоса Чжун И. В этот момент, под его пристальным взглядом, тот чувствовал, как у него мурашки бегут по коже, и усидеть на месте было невозможно.

Будто для того, чтобы придать себе смелость, Цзи Хаочуань резко встал со ступенек. Его рост, и без того чуть выше, чем у Чжун И, казался еще больше благодаря реквизиту под ногами. Смотря на Чжун И свысока, он бросил:

— Да. А что, нельзя?

— Можно, почему нельзя, — Чжун И усмехнулся, но все его терпение иссякло в тот момент, когда он поднял голову и взглянул на лицо юноши. Тон мгновенно стал ледяным. Сжав руки под мышками, он произнес, — Я просто хочу напомнить тебе: если ты, Цзи Хаочуань, не по-настоящему хочешь участвовать в этом шоу, то катись обратно и попроси Лян Сыли купить тебе новое шоу, в котором я не буду участвовать ни в чем.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Без сомнения, всех поразила угрожающая «желтая карточка» от Чжун И. Цзи Хаочуань, стоя на ступеньках, чувствовал, как холод пробегает по спине, а кровь от стыда и гнева прилила к голове.

Неизвестно почему, но Лео почувствовал в Чжун И что-то вроде «кто со мной — тот процветает, кто против — тот погибнет»...

Чжун И продолжил:

— Ты сам-то знаешь, сколько дней ты был трейни, Цзи Хаочуань?

Цзи Хаочуань открывал и закрывал рот несколько раз, прежде чем смог выдать:

— Два месяца...

— Два месяца? — Чжун И пристально смотрел на него и холодно произнес. — Хотя я не знаю точной даты старта, но если считать с того дня, когда Лян Сыли окончательно договорился с платформой о шоу, то до двух месяцев еще несколько дней не хватает, верно?

Цзи Хаочуань покраснел до корней волос. До этого момента он никогда не стеснялся того, что был «блатным», даже сам рассказывал об этом другим. Но когда Чжун И так прямо и публично указал на это, он впервые по-настоящему понял, что такое стыд.

Однако Чжун И не собирался отпускать его так легко и тут же спросил:

— Ты знаешь, сколько времени твои коллеги-трейни в компании провели в тренировках?

— Я... знаю... — Цзи Хаочуань чувствовал, как его лицо пылает, и ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя говорить.

— Самый короткий срок у них — два года. Как ты думаешь, почему они должны уступить тебе, с твоими двумя месяцами, место капитана? Все это Чжун И запомнил еще тогда, когда смотрел композитку, и теперь безжалостно выкладывал на всеобщее обозрение. — К тому же, ты единственный трейни в TG, у которого есть ассистент. Ты знаешь, сколько уже дебютировавших звезд и актеров до сих пор не имеют ассистентов?

Чжун И продолжил:

— Раньше я тебя не трогал, потому что ты находился за пределами моего внимания. Но теперь, если ты хочешь участвовать в моем шоу, либо играй по моим правилам, либо уговори Лян Сыли выгнать меня.

Услышав последнюю фразу, Цзи Хаочуань чуть не выпалил «Как это возможно?», но не посмел. Чжун И тоже не дал ему шанса, сразу же бросив третий вариант:

— Если ты не можешь сделать ни того, ни другого, то сиди тихо и подумай, что ты вообще можешь сделать.

В этот момент каждый в зале почувствовал себя «Цзи Хаочуанем».

— [Девочки, я плачу, а вы?]

— [Учитель Чжун действительно умеет ругаться, это так трогательно, хочется плакать.]

— [Судя по всему, я тоже ничего не могу сделать.]

— [Правда, учитель Чжун, возможно, ругает не тебя, но каждый раз это бьет прямо в сердце.]

— [Извините, но почему учитель Чжун сегодня вдруг надел шелковый платок?]

— [(Я тоже заметил! Это же серия «Цветы и птицы» от BOG, такой яркий и красивый!)]

— [Никогда не пожалею, что вступил в ряды «Либо»!]

— [Я могу слушать учителя Чжун еще пятьсот лет.]

— [Извините, но если бы это было на мне, я бы выглядел как деревенщина.]

— [Боги носят все красиво и говорят все правильно 555.]

— [В этот момент мы все Хаочуань-диди (свеча.jpg)]

Чжун И позвал:

— Лео.

— Эй! — Чжан Лео инстинктивно откликнулся. Он все еще был в шоке от этой жесткой речи Чжун И.

— Пересъемку, которую он хочет, сделаешь ты. Чжан Синчжи так хорошо снимает портреты, ты же его ученик...

Лео мгновенно вдохновился:

— Я сделаю! Он точно будет доволен!

Лео снова осознал, что он снова согласился из-за имени своего брата:

— ...

«Почему я снова согласился, да еще так громко QAQ...»

На этом Чжун И больше не посмотрел на ошеломленного Цзи Хаочуаня, стоявшего на ступеньках, и просто сказал:

— Если у тебя еще есть совесть, не отвечай злом на добро новому фотографу, который спас твое лицо.

— Если бы сегодня эта лампа действительно упала на тебя, я гарантирую, что ты будешь видеть меня каждый день. Так что.

— Если ты действительно хочешь меня видеть, не мучай моих людей, просто сам стукнись об лампу. Разве что перед этим предупреди Лео, чтобы он больше тебя не останавливал.

Сказав это, Чжун И снова поднял голову:

— Это твой четвертый вариант, все возможности учтены, так что теперь ты не сможешь выбрать?

Цзи Хаочуань оцепенел, стоя как ледышка, не в силах пошевелиться. Единственное, что он мог сделать, — это кивнуть.

К счастью, это было именно то, что хотел Чжун И. Удовлетворенный, он повернулся и ушел, оставив перед уходом только одну фразу:

— Чжу Хун, дальше ты разберешься. Не забудь передать нашему главному Лео те пожелания, о которых мы говорили в офисе.

— Поняла, учитель Чжун! — Чжу Хун чувствовала, что ей только не хватало поставить правую ногу к левой и отдать честь.

Только когда фигура Чжун И полностью исчезла из виду, Лео смог перевести дух, чувствуя, будто прошел через ад и вернулся к жизни.

Он подумал, что этот человек действительно перестал притворяться, как только его брата не стало рядом. Как он умудряется так много говорить? Его язвительность была совершенно другой, чем та, что он показывал перед братом. Хорошо, что он не был прямым объектом этих слов, иначе он бы точно расплакался...

Лео еще не закончил думать «вышел», как невольно повернулся и увидел «прямого объекта» с покрасневшими глазами.

Лео: QAQ???

Раньше он был таким уверенным, а теперь плачет!

Лео, глядя на золотые слезы, капающие с лица Цзи Хаочуаня, запаниковал:

— Бра... братан, ты правда плачешь QAQ...

Я просто в мыслях сказал, а ты и правда заплакал. Где твой стиль крутого парня!

Я даже не плакал, когда узнал, что мой брат спит с кем-то, а ты вот так сразу!

— Я не плачу, это слишком уродливо, — Цзи Хаочуань.

— ? — Лео.

В его голосе не было и намека на слезы, и если бы Лео не видел, как он плачет, он бы действительно поверил.

Цзи Хаочуань продолжал плакать, но оставался спокоен:

— Этот шелковый платок слишком уродлив.

— ..... — Лео.

Черт, это ты уродлив, этот платок моего брата.

Иди, я не хочу тебя утешать.

Хотя Лео знал, что это просто отговорка, он все же почувствовал себя оскорбленным. Даже если этот платок был подарком к сумке его брата и лежал в ящике без использования, никто не смеет говорить, что он уродлив! Говорить, что он уродлив — это все равно что говорить, что его брат уродлив, а говорить, что его брат уродлив — это все равно что говорить, что он уродлив!

Пока Лео ворчал про себя, он увидел, как этот человек продолжает пристально смотреть в направлении, куда ушел Чжун И, и зовет своего ассистента.

<http://bllate.org/book/16822/1546595>